Наталия ТОЛСТАЯ

РАССКАЗЫ

ВСЁ ЯСНО

В последнее время борьба молодёжи и старшего поколения утихла. Мне так показалось. Сужу по личным наблюдениям: тридцать лет езжу на работу на общественном траспорте с тремя пересадками. Ошибка. С недавних пор слово «общественный» не употребляется – теперь это социальный транспорт. Для бюджетников. Недочеловеков.

В 90-х годах как час пик, так в автобусе перепалка.

– Куда ты, старая, прёшь?

– Народ на работу едет, и она тут! Сидела бы дома, отдыхала.

– Чего, дед, толкаешься? Куда спешишь? В крематорий?

Старики тоже взрывались.

– Я сорок лет на одном предприятии отработал, инвалид первой группы! Освободи место, сукин сын!

– Я блокадница! Ты, дрянь расфуфыренная, ещё в пелёнки срала, когда я Ленинград защищала.

Нет, былые подвиги не находили отклика, молодое поколение не знало жалости.

– Какая ты блокадница? Все блокадники на Пискарёвском кладбище лежат.

– Не фиг было Ленинград защищать. Сдали бы город – мы бы сейчас как в Германии жили.

Наверно, те инвалиды и блокадники, кто штурмовал наземный транспорт в перестроечные годы, вымерли или уже не выходят из дома. К тому же питерские трамваи практически ликвидированы, автобусы ходят раз в час. Остались маршрутки да метро. На маршрутках много не наездишься, а в метро старики нынче сидят или стоят тихо, смирно, на места для лиц пожилого возраста не претендуют. Замечаний не делают и ничему не удивляются. Вот в вагон вошёл панк с петушиным гребнем – ноль внимания. Вот молодая цыганка катит на доске с колёсиками инвалида-десантника. У парня нет ни рук, ни ног, а на груди боевые ордена плюс звезда Героя. Никаких комментариев.

Если незнакомые и вступают в беседу, то это всегда женщины за пятьдесят, и обсуждают они вполголоса мелкие бытовые нужды. Громко говорить в транспорте стало неприлично. Как на Западе.

– Смешно сказать: нигде не могу купить резинку для трусов. Исчезла, прямо беда.

– Я вас научу. Мне тоже подсказали, на работе. Садитесь на электричку на Сестрорецкое направление. В Разливе садится продавец, парень.Он этими резинками торгует. Моток – двадцать рублей. Возьмёте три мотка – отдаст за пятьдесят.

– Вот спасибо! Надо невестке сказать, пусть съездит. Самой тяжело стало.

И опять тишина в вагоне. В Питере от былых времён осталась разве что традиция охотно объяснять, как проехать, как пройти. Не то в Москве... Спросишь где-

нибудь на Новослободской: «Вы не знаете...» – «Не знаю!», «Вы не подскажете...» – «Нет!»

Ну что сказать вам, москвичи, на прощанье? А может, это и не москвичи вовсе?

Про очереди в советских магазинах написано много, но тема неисчерпаема.

Ведь у многих вся жизнь уместилась в эти семьдесят коммунистических лет.

1975-й год. Перед Новым годом в магазинах появлялись не только мандарины, но и другие полезные вещи. Туалетная бумага, например. Давали восемь рулонов в руки (почему не десять? уже не узнать). Продавцы продевали через рулоны бечёвку – и неси свою гирлянду домой, хочешь – волоком по земле, хочешь – надень на шею, как папуас. Метёт метель, задувает под пальто, но я решила стоять до упора: так хочется принести домой европейскую вещь!

Мимо шёл занесённый снегом мужчина.

– За чем стоите?

– За туалетной бумагой.

– Вот засранцы!

С тех пор прошло тридцать лет, но недоумение осталось. Где логика? Почему засранцы? Казалось бы, наоборот...

Вчера ходила в «О'КЕЙ» за киви. По дороге к отделу фруктов тянутся ряды туалетной бумаги: упаковки по две, четыре, шесть, двадцать штук. Россыпью, наконец. Производство: посёлок Сясьстрой Ленинградской области, Венгрия, Франция, Объединённая Арабская Республика.

У меня слабость: с молодости люблю хороший чай. Что значит «хороший чай» в 1980 году? Конечно, индийский, со слоном. Февраль. Чай продают во втором дворе огромного дома на Кировском проспекте. Стоять во дворе ещё хуже, чем на улице: холод пробирает до костей. За мной стоит мама с маленькой девочкой. Девочка капризничает и тянет маму домой. Старуха поворачивается к девочке: «Привыкай! Всю жизнь по очередям стоять будешь». Другая старуха, добрая, дёрнула девочку за рукав: «Не плачь, скоро весна придёт». «А что, – спросила я, – весной очередей не будет?» – «Почему не будет? Весной тепло, стоять веселей».

А ещё ушедшая эпоха унесла с собой тот трепет, который охватывал советского человека при виде импортных вещей. Как о них мечтали... Я была в восьмом классе, сестра – в десятом, когда к нам стала приходить тётка с сумкой, полной импорта: кофточки, майки, шарфики... Как её зовут, никто не знал. «Мама, когда спекулянтка придёт?» – «Девочки, имейте терпение. Спекулянтка придёт завтра вечером».

Звонок. Сердце забилось в груди. Идёт! Радость от югославской кофточки в полоску, купленной в 1958 году, была, пожалуй, острее, чем первое свидание или поступление в университет.

Господи, какими простодушными мы тогда были. Когда сын учился в школе (сейчас это дядька сорока лет), к нам приходил Алексей Васильевич, настройщик. Приходил раз в год, в конце декабря. Настроив пианино, он предъявлял работу – играл Шопена. Алексей Васильевич давным давно окончил консерваторию, успел до войны посидеть в тюрьме, потом пять лет воевал, был ранен и теперь с женой и дочкой мирно живёт у чёрта на рогах, но в своей, однокомнатной, квартире. Каждый раз я дарила моему настройщику какой-нибудь подарок к Новому году. Он, как и все, любил заграничное. В тот год ничего заграничного у меня не было, кроме целлофанового мешка для жарки куриц. Пачку таких мешков я получила в подарок от одного шведского туриста и девять штук успела израсходовать, остался один. Делаете так: берёте мешок (он прозрачный), суёте туда курицу, завязываете мешок специальной жаропрочной тесёмкой, делаете в мешке дырочку и кладёте в духовку дыркой вверх. Через полтора часа чудесный запах разливается по квартире. Квартиросъёмщики бросают все дела и кидаются на кухню. Ножницами разрезаете мешок и выбрасываете его. Кушать подано.

Я вручила Алексею Васильевичу импортный сувенир и объяснила технологию приготовления: проще пареной репы. Старый настройщик присел к столу, аккуратно всё законспектировал и ушёл.

Прошёл год. Опять настало время настраивать пианино. Я не смогла удержаться и спросила, понравилась ли Алексею Васильевичу курица в мешке. Он смутился. «Ничего не получилось. Я сделал всё как вы велели: завязал мешок тесёмкой, проделал дырочку и положил в духовку, на средний огонь. Скоро курантам бить, а никакого запаха нет. Сидим, ждём... Жена говорит: «Может, надо было туда курицу положить?» Я ей отвечаю: «Это же шведская вещь! Понимаешь? Курица там сама появится. Помнишь, нам достали польский грибной суп? На вид порошок, а начнёшь варить – грибы откуда-то берутся. Подождём ещё». Так они и просидели перед духовкой, старые, образованные люди, любящие домашнее музицирование и свято верящие в западный прогресс.

Пришлось мне на днях простоять в очереди шесть часов. В аптеке, за бесплатным и очень дорогим лекарством.

Очередь начинается на улице, затем, по стеночке, поднимается на второй этаж. Там, на площадке, стоит пять стульев, шестой сломан. Через три часа подошла и моя очередь посидеть на стуле, отдохнуть. Потом перемещаешься в аптечный зал, где опять стоишь час-полтора. За эти шесть часов никто не упомянул имя министра Зурабова, никто не пожаловался на маленькую пенсию или на пьющего сына. Гробовая тишина: или сил нет, или и так всё ясно.

Наконец я подошла к окну «Льготники». Моё лекарство закончилось. Одно утешение: поставили на «лист ожидания». Спускаясь по лестнице, я думала: «Какое поэтическое название – ”лист ожидания”! Так можно назвать книгу стихов или повесть о поздней любви».

НА РОДИНЕ

На днях я случайно стала свидетельницей драмы, воспоминание о которой сохраню в файле «Пришла беда – отворяй ворота».

Полгода назад скончался мой сосед по дому, народный артист Д. Этого актера театра и кино в Ленинграде любили. Талантливый, красивый, остроумный, образованный. Часто играл аристократов, как наших, так и европейских, свободно говорил по-французски. Сильно отличался от актерской братии – людей малообразованных и не стыдящихся своего невежества. Народный артист был богат, собирал иконы и иной антиквариат, и при этом жил один. Его единственный сын Игорь давно переехал в Америку и редко приезжал к отцу: давным-давно произошла тяжелая ссора, и ни тот, ни другой не хотели сделать шаг навстречу. Но приехать пришлось: четырехкомнатная квартира опустела, надо было вступать в права наследства. Игорь взял месячный отпуск и прилетел в Питер.

Дел было невпроворот. Собрать кучу справок, продать антикварную мебель, распихать по знакомым то, что не успел продать. И сдать пустую квартиру. Игорь уже забыл, как тут у нас делаются дела, при каждом посещении госучреждения впадал в ступор. Взятки давать боялся: отвык. Ему казалось, что за ним следят. Боялся неосвещенных дворов, темных подъездов, работников ОВИРа. Наконец все документы были собраны, сложены в папку. Билет в США куплен, вылет в понедельник утром. Когда вечером в пятницу Игорь прибежал ко мне, на нем лица не было: пропала папка со всеми документами.

– Папка лежала дома на холодильнике! Кто-то проник в квартиру и выкрал все документы. Я не могу сидеть тут полгода, чтобы снова собирать бумаги!

– Что-нибудь еще пропало?

– Больше ничего. Это почерк КГБ.

– Вспоминай, где ты мог забыть папку?

Игорь вспомнил, что накануне он был в сбербанке – платил по коммунальным счетам, папка была при нем. Помчался в банк, но тот уже закрылся, огни погашены. Он стучал, звонил. Вышел охранник и сказал, что сейчас вызовет милицию. Делать нечего – надо ждать до утра понедельника. Пришлось сдать билет.

Игорь не находил себе места, сон не шел, поднялась температура. Выпил полбутылки водки – не помогло. Решил спуститься в метро, снять деньги в банкомате – ведь неизвестно, сколько придется торчать в Питере. Дома, в Америке, рассказывали, что в России вор на воре, нельзя шагу ступить, чтобы не столкнуться с бандитом, поэтому идя к метро, молодой человек захватил с собой газовый баллончик и электрошокер.

Банкомат стоял в вестибюле, за газетным киоском. На карточке у Игоря было двадцать тысяч рублей, он решил снять половину. Подошел к банкомату и сразу почувствовал тревогу: за его спиной возникла женщина. «Начинается. Внимание!» Игорь получил свои деньги и отошел в сторону – пересчитать. И тут он обнаружил, что забыл вынуть карточку из банкомата, а женщина-аферистка уже получает деньги! В ярости он кинулся к наглой бабе.

– Отдайте мою карточку!

– Мужчина, что с вами?

– Вы воспользовались тем, что я не вынул карточку! А ПИН-код подсмотрели, мне эти трюки знакомы. Карточку сюда!

Видя, что женщина не собирается расставаться с добычей, Игорь схватил карточку и попытался вырвать ее из цепких рук аферистки. После короткой борьбы VISA треснула, а Игорь вошел в раж. Он выхватил у женщины кошелек, который она не успела спрятать в сумочку.

– Вы сняли мои деньги! Я их реквизирую.

– Милиция! На помощь!

Когда милиционер Хрюничев вел их в комнату охраны общественного порядка при метрополитене, женщина орала благим матом, а Игорь был спокоен: он чувствовал свою правоту.

– Ваши документы, гражданин!

Игорь полез в карман за паспортом и похолодел: он нащупал в кармане свою пластиковую карточку VISA.

– Простите меня! Я ошибся, я все возмещу.

Хрюничев повеселел.

– Так это же разбой! Документы давай.

Увидев паспорт гражданина США, милиционер присвистнул.

– Ну и дела! Сколько времени пробыли в Российской Федерации? Больше месяца? А регистрация где?

Регистрации у Игоря не было, думал: обойдется.

– Виноват, не успел, закрутился. В понедельник обязательно пройду регистрацию. Отпустите меня, я сын народного артиста Д.

– А мне по барабану, чей ты сын. Тебе, брат, статья светит. Да у тебя тут целый арсенал – электрошокер, баллончик.

Женщина заплакала.

– Сын такого замечательного человека – и такая сволочь. Я опоздала на важную встречу из-за этого ублюдка. Испортил мне документ, вырвал кошелек!

«Простите меня, отпустите меня». Засадить его по полной программе! Сейчас заявление напишу.

Игорь понял, что это конец.

– Хотите, я встану перед вами на колени?

Хрюничев почесал в затылке.

– Сколько у тебя с собой денег?

– Десять тысяч я снял, и еще десять осталось на карточке.

– Сиди тут, мы сейчас придем.

Через минуту пострадавшая и Хрюничев вернулись в комнату милиции.

– Значит, так. Заплати гражданке двадцать тысяч, тогда она заберет назад заявление.

Милиционер сопроводил Игоря до банкомата, пересчитал деньги, улыбнулся – дежурство прошло успешно.

– Ну, черт с тобой. Иди давай.

Потерпевшая и милиционер остались улаживать финансовый вопрос, а Игорь побежал домой, не чуя под собой ног.

Утром в понедельник папка с документами нашлась в сбербанке, а во вторник Игорь вылетел в США. Но на работу не вышел: помещен в психиатрическую лечебницу в штате Огайо.

С НЕМЦАМИ НА СЕВЕРО-ЗАПАД

Прошлым летом я взяла халтуру: поездку с немецкими туристами. Сели в автобус в центре Петербурга и в хорошем настроении, с ветерком покатили по маршруту Питер – Новгород – Псков – Питер. Гид-переводчик смотрит на родную природу, на города и села, на жителей по-другому, их, иностранцев, глазами.

Мои немцы успели провести в Питере три дня. Как и все, кто не слепой, они были потрясены красотой города. Кто восхищался ампиром, кто югенд-стилем. Их восторги я принимала как должное. Сама обмираю каждый раз, как из-за поворота с Невского открывается Дворцовая площадь.

В Новгород выехали рано. Пока ехали по Московскому проспекту, я рассказывала туристам про сталинские дома: кто в них живет и почему. Проехали парк Победы, монумент защитникам города. Я оглянулась. Почти все туристы спали, только один старик проверял меня по путеводителю. На выезде из города, как всегда, огромная пробка. Пока доехали до Ям-Ижоры, народ проснулся. Но лучше бы они не просыпались. Здесь по программе первая остановка – размять ноги.

Туристы вышли из автобуса. Непролазная грязь. В лужах плавают арбузные корки и давленые помидоры. Мазут, нечистоты лежат прямо на шоссе. Хотя вдали угадывается нужник-скворечник. Но кто же туда пойдет? Тот, у кого развито воображение, туда не сунется.

Сели в автобус и начали обсуждать увиденное.

– Почему такая грязь?

– Где урны для мусора?

– Неужели в Ям-Ижоре нет движения «зеленых»?

– Нету, – говорю, – тут «зеленых». Может быть, встретим их дальше по маршруту.

Дорога до Новгорода унылая, не на что смотреть. Вот прошла старуха с ведрами на коромыслах.

– А что, тут нет водопровода?

– Почему? Есть. Эта женщина – участница фольклорного ансамбля, репетирует сценку «У колодца».

– Почему не видно машин у домов? Как же крестьяне добираются до магазинов, театров?

– У них подземные гаражи. Прямо под избами.

– Расскажи про сельское хозяйство. Что тут выращивают?

Перед поездкой я читала в энциклопедии про Новогородскую область: «Поверхность равнинная. Мясо-молочное производство». (Святые угодники! На всем пути

нам встретились три коровы и десяток разрушенных скотных дворов: стекла выбиты, двери унесены, и давно обвалилась крыша.)

«Новгородская область в 1964 году награждена орденом Ленина».

Дорога Новгород – Псков всего-то двести километров. Но мы добирались до Пскова пять часов. Выбоины, ухабы, а то и вовсе – асфальт кончился и началась проселочная дорога. И машин почти нет. Глубинка.

– А когда будет «остановка для посещения туалета»?

В автобусе туалет, само собой, не работает. Пришлось сказать правду: туалетов по пути не будет. Остановимся, где лес погуще, и ... Но леса по пути так и не встретилось. Одни болота. Ничего, дело житейское. Приспособились, отринув стыд.

Сверкнула на солнце река Шелонь. И мы увидели на берегу большую деревню.

– Давайте остановимся! Русская деревня! Сколько читали о ней...

Въехали в деревню. Из окошек на нас смотрели лица кавказской национальности, но никто не вышел на крыльцо. Вдруг будто из-под земли появился мужчина. Лет сорока – сорока пяти, русский, мятый, с добродушной улыбкой. Немцы уставились на мужчину.

– Дайте что-нибудь, а? Соберите мне деньжат. Выпить надо, поправиться.

Я подошла к гражданину.

– Товарищ, не надо попрошайничать. Некрасиво. Вы – молодой, крепкий. Не инвалид... Иностранцы ни с того ни с сего денег не дают. Не позорьтесь, пожалуйста.

Мужчина сел на землю прямо перед автобусом. Мы решили не обращать на него внимания. Немцы вынули пакеты с едой и баночное пиво «Невское» – это был сухой паек, который нам утром выдали в гостинице.

Став в кружок и греясь на солнышке, туристы принялись завтракать. Мужчина встал и протянул грязную руку.

– Если денег жалко, так угостите. Вон и пиво у вас есть.

Не отстанет, подумала я.

– Значит, так. Если вы, товарищ, исчезнете, то вот вам мое пиво и мои бутерброды. Договорились?

Мужчина взял мой паек, отошел в сторону и опять сел на землю.

– Через четверть часа отъезжаем! – объявила я.

На другой стороне дороги обнаружилось кладбище и часовня со сбитым крестом. Из окна часовни вылетела ворона и села на дерево. Все могилы заросли высокой травой. На могильных камнях – битое стекло.

«Заслуженный учитель Никитин Ю. А. Род. 1900, умер 1959.»

«Юный партизан Коля Клименко. Геройски погиб в 1942 г.»

Я повернулась и пошла прочь. Гражданин-попрошайка опять клянчил деньги у немцев. Когда мы тронулись в путь, он разъярился, метнул кирпичом в автобус и крикнул:

– Фашисты недобитые!

Среди туристов была компания любителей русской старины. Когда мы приехали в Псков, они стали меня просить:

– Давайте пойдем в Мирожский монастырь – там уникальный, древнейший собор.

Посещения Мирожского монастыря в программе не было. Туристов туда не водят. Я, признаться, и не слыхала про этот монастырь. За небольшую плату ворота древнейшего монастыря нам открыли. Боже мой, Спасо-Преображенский собор основан в двенадцатом веке! И почти все фрески сохранились. Собор не отапливается – денег нет. Тишина и безмолвие. Три монаха прошли мимо, не глядя на нас. Главная аллея привела к одноэтажному голубому домику. Мы уже

знали, что тут живет и работает отец Иосиф. Его предупредили, чтобы он нас принял.

– Проходите, пожалуйста. Вот тут я сплю, а тут пишу иконы.

В спальне стояла видавшая виды железная кровать, на ней подушка без наволочки и одеяло с большой дырой. На столике у окна – полбуханки черного хлеба, кружка с водой и луковица.

– Скоро обедать буду, – улыбнулся отец Иосиф.

В мастерской мы увидели доски, заготовки икон, лаки, бутылки с олифой. Иосиф копировал Владимирскую Богоматерь, уже были готовы наследник Алексей с нимбом и саблей в руке, ветхозаветная Троица. Копии были, прямо скажем, плоховаты. Немцев растрогала аскетическая обстановка и благородный труд старика.

– Спросите господина монаха, не продаст ли он нам иконы? Две, три, десять. Мы купим – на память.

– Отец Иосиф, – я почему-то понизила голос, – не продадите ли нашим гостям иконы? А вы новые нарисуете.

– Что вы, нам это запрещено.

Я продолжала искушать старика.

– Никто ведь не узнает. Мы сейчас уедем, а вы заработаете.

Монах заколебался. Но дьявол на этот раз победил.

– Ладно, продам.

– А сколько вы хотите за икону? Вот за эту, маленькую.

Иосиф пожевал губами.

– Пятьсот евро – нормально будет?

Я обомлела.

– Отец Иосиф, что вы! Таких и цен не бывает. Максимум, что дадут, это долларов десять-пятнадцать.

Старик вздохнул.

– Нет – так нет. Тут торг неуместен.

– Что он говорит? – дергали меня немцы.

– Он говорит, что торговать начальство не разрешает. Они ведь живут по уставу.

– А можно просто оставить ему деньги – на краски, кисти?

– Конечно, оставьте. Вот тут у него тазик пустой стоит. Кладите сюда.

Мы попрощались и ушли. Тихий молодой монах выпустил нас обратно, в мирскую жизнь, и тяжелые ворота закрылись за нами на большой засов.

Вернувшись домой, я снова раскрыла Большой Энциклопедический Словарь.

«Псковская обл. Поверхность равнинная. Молочно-мясное жив-ство. Выращивают картофель и овощи. Награждена орд. Ленина в 1967 г.»

СТАРО, КАК МИР

Тридцать лет назад, после унижений, слёз и взяток, мы купили, наконец, кооперативную квартиру на окраине Ленинграда (сейчас это почти центр). Помню, как первый раз, дрожа от радости, вошла в свою новую, блочную, трёхкомнатную. Голубой (вырви глаз) линолеум во всех комнатах – ничего, сменим! В ванне – насрано, и не один раз (в школе учили:гордое имя – строитель!). Вымоем. На стене в большой комнате написано огромными буквами: «Магадан». Закрасим.

Скоро возбуждение улеглось – лифт не подключен, газа пока нет, с потолка капает прямо в тарелку с супом. Помните, что получали в ответ? «Строители обещали устранить выявленные недостатки». Пока не устранили. Жду.

Я играла сама с собой в такую игру: представляла, какие соседи мне попадутся. Пусть бы в квартире напротив жила старая интеллигентная дама, бывшая актриса

или библиотекарь. Чтобы было с кем поговорить о высоком. В квартире справа хочу тоже пожилую, но крепкую, простую женщину. Без склеротических бляшек и честную, чтобы посидела с детьми, пока я на службе. А если повезёт, то, может, и квартиру возьмётся убрать, и суп сварить... Вдруг она любит печь пироги с яблоками соседям по лестничной площадке. В квартире слева был необходим молодой мужчина, мастер на все руки: починить проводку, врезать замок. Кто же мне прибьёт полки? В семье одни филологи.

Туда, куда я поселила актрису, въехала семья шофёра Феди. Федя водил грузовик, а когда не водил, то пил.Он повадился приходить к нам по пятницам и занимать полтинник. Поначалу я давала ради добрососедских отношений, но потом он начал приходить через день, и я попросила оставить меня в покое. Но он упорствовал. Колотил в дверь: «Соседка, купи картошку! Не надо? Сало купи, с Украины прислали. Да открой же ты дверь, блядь!»

Я попросила жену Федора Лену, чтобы она его урезонила. Лена ответила с классовой ненавистью: «Нечего было ему деньги давать!».

Вместо честной и здоровой бабушки въехал татарин с русской женой и тремя мальчиками. Татарин пил не просыхая и бил жену смертным боем. Мальчики росли сами по себе. Их мама часто отсиживалась у нас, когда татарин буйствовал, презрев Коран.

Однажды я возвращалась домой из магазина и на нашей площадке увидела человека, лежащего в крови, лицом вниз. Я перепугалась и вызвала милицию. Милиция (я видела из окна) ездила по двору туда-сюда полчаса: подъезд не могли найти... Наконец я услышала возню на площадке и крики жены, вернувшейся с работы. Потом всё стихло. Вечером к нам пришла Валя, которая столько раз спасалась у нас от своего татарина, и стала орать: «Зачем вы вызвали милицию?! Ну выпил человек с получки, споткнулся на ступеньке, поцарапал голову. Проспался бы! А милиция всю зарплату вытащила, часы сняли. Чего вы лезете не в своё дело?» И тут дружба врозь...

Третьим соседом оказался, как мечталось, парень на все руки. Руки, правда, были крюки. Брался Георгий за всё, и всё делал плохо. У него была двухкомнатная квартира. В одной комнате жила его тихая, больная мать. В другую он водил девиц, с ними и пил. У нас за стеной грохот и звон разбитых стёкол не утихал всю ночь. Георгий тоже просил денег в долг, а отдавать норовил вещами. Приносил рабочую одежду с неснятыми ценниками, брезентовые рукавицы, резиновые сапоги: крал с какого-то склада. Мы краденого не брали, так что и с этим соседом дружбы не получилось.

И ведь все мои соседи-пьяницы каким-то образом нашли деньги на кооперативную квартиру... Экономическое чудо.

Сейчас нет уже ни шофёра Феди, ни татарина, ни Георгия с руками, растущими не из того места. Все умерли: спились. Но никогда и никому это не служит уроком.

Подруга-художница жила с родителями и мужем в ленинградской коммуналке. Потом дела пошли в гору, картины стали покупать, и они уехали в новую квартиру, а мастерская осталась на старом месте. В старых коммуналках по-своему даже уютно: из окон видна Фонтанка, мосты, крыши. Хорошо. Если, конечно, тебе здесь не приходится жить. Я посидела у художницы в мастерской и собралась уходить. «Иди сюда, чего покажу», – сказала подруга. На одной двери в конце коридора замок был врезан на высоте десяти сантиметров от пола. «Догадалась? Иван Палыч, хозяин, смастерил. Он с работы всегда приползает – ему на ноги не встать, дверь не открыть. А тут не спеша, из положения лёжа, не сразу, но попадает ключом в замок. Утром сходит за пивом – и опять молодец. На заводе его ценят, потому что на работе капли в рот не берёт».

Вспоминаю середину 60-х. Нарастал вал иностранных туристов, и стало не хватать переводчиков. Особенно с редкими языками. Пригласили и меня, студент-

ку, поехать с делегацией шведских лесопромышленников в Сибирь. Братск, Иркутск, Шелехов. Я до этого никогда не работала с иностранцами и не ведала, что меня ждёт... Попробуйте переведите без подготовки: лес крепёжный, окорённый, мачтовый. Лесопроводный жёлоб, наконец. Но самое страшное было не это.

В каждом сибирском городе нас принимало советское и партийное начальство. Делегацию закармливали черной и красной икрой, омулем, осетриной на вертеле. В леспромхозах сгоняли народ из окрестных деревень – приветствовать зарубежных гостей. Молодежь кричала: «Мир! Дружба!» Старики с посохами кланялись в пояс. Нас заваливали подарками: неподъемными альбомами «Сибирь советская», кедровыми шишками, поделками из корня. Водку наливали и в обед, и в ужин. Пить надо было до дна – «у нас так принято».

Апофеоз наступил в Братске. В полдень мы на вездеходе поехали на обед, как оказалось, в тайгу. Кроме нас, шестерых бизнесменов и меня, загрузили ещё ящик коньяка, ящик водки, тёплую одежду, корзинки с посудой и семь кресел. Через два часа мы очутились в лесной чаще. На гостей надели валенки, ушанки, и мы гуськом пошли на поляну. Там горел костёр и кипел чан с ухой: челядь с вечера наловила рыбу. Кресла поставили в глубокий снег. Лесопромышленники смотрели затравленно, но не сопротивлялись: бесполезно. Картина незабываема. Секретарь горкома зачерпывал деревянной ложкой уху, подносил шведам и вливал в рот. Военком, держа в одной руке кусок хлеба, в другой стопку водки, смотрел, чтобы никто из иностранцев не манкировал: после каждой ложки ухи – незамедлительно выпить. Деваться некуда: кругом тайга. Лесопромышленники сидят в креслах, греют руки в рукавах, по команде открывают рты и глотают. Один заплакал и попросил отвести его в гостиницу. Кошмар продолжался два часа. Мои просьбы пожалеть нас успеха не имели. Кто я такая? Никто.

Наконец настал день отъезда. После завтрака – самолёт в Москву. Смотрю – официантка опять ставит перед каждым фужер. Водка, на завтрак. Я накрыла свой фужер ладонью: нет! Из-за спины вырос председатель горисполкома и нагнулся с моему уху: «Русское теряешь...»

Неделю назад я видела перед собой весёлых спортивных джентльменов, а назад я везла зелёных несчастных стариков. Одному в самолёте стало плохо, он всё стряхивал с рукава пауков. В Домодедове нам вызвали скорую помощь.

Зачем всё это было? Что они про нас дома рассказывали? А как сами-то горком с обкомом выдерживали эту дикую жизнь?

Я рассказывала про свои сибирские приключения и дома, и на работе. Прошло много лет, и я забыла про тех, первых иностранцев, но мне напомнили. Недавно собрались в тридцатый раз одноклассники. Фима Либерман, золотой медалист, быстро напился, но требовал продолжения и рвался в магазин за добавкой.

«Фима, – спросила я, – зачем так много пьёшь?» – «А ты не знаешь? Чтобы русское не потерять».